

ДОМ, УДОБНЫЙ ДЛЯ ВДОХНОВЕНИЯ

Елена Савельева

На картине — хрупкая женская фигурка, скользящая между цветущих деревьев. Перед нею — чудесное розовое видение. Замок? Дворец? Мираж? Да и нет. В действительности это счастливо преображенный фантазией дом художника В.Э.Борисова-Мусатова.

Мне приходилось приводить к этому дому разных людей. И почти всегда раздавались возгласы разочарования. Те, кто помнит произведения Борисова-Мусатова, ожидают увидеть старинный особняк. А те, кто только узнает о творчестве замечательного художника, недоверчиво переспрашивают: «И это здесь он жил?» Здесь, в рядовом деревянном доме с флигелем в небольшом саду. И в самом деле, трудно поверить, что «поэт печальной мечты и цветных грез», жил и творил в обычном саратовском дворике, зажатом сейчас стенами мебельной фабрики.

И все-таки это тот самый дом, изображенный художником на многих известных картинах. Нечетная сторона улицы Вольской, между Бахметьевской и Белоглинской; прежний адрес — Плац-парад, собственный дом. Не разрушенный в 1930-х годах при строительстве мебельной фабрики, не сгоревший каким-нибудь жарким летом, не снесенный ретивыми градостроителями. То, что он уцелел — почти чудо! Вспомина-

Виктор Эльпидифорович
Борисов-Мусатов
(1870–1905)
Фотография 1901 года

ем мусатовские «Весну», «Майские цветы», «За вышиванием»... Узнаем стены, ставни, наличники, веранду, невысокий забор. Дом существует!..

На Плац-парад семейство Мусатовых переехало после 1876 года. Вначале здесь стоял одноэтажный деревянный дом, выходящий фасадом на улицу. Окно этого дома, обращенное в заросший зеленью сад, изобразил Мусатов в одной из ранних работ. Флигель в глубине двора был выстроен позже, в 1890–1891 годах. Туда после смерти отца переселились Мусатовы. А старый дом надстроили вторым этажом и стали сда-

вать жильцам, чтобы хоть как-то свести концы с концами.

Скромный деревянный флигель внутри был заботливо убран руками матушки Евдокии Гавриловны и младшей сестры художника Елены. Художник жил и работал в нем, приезжая на лето из Москвы и Парижа. Здесь он поселился в 1898 году, вернувшись из Франции, и прожил до осени 1903 года, вплоть до своего окончательного отъезда из Саратова. Домом, «прекрасным и удобным для вдохновения», назвал мусатовский флигель художник Павел Кузнецов, тоже житель Саратова. Здесь в самой большой и светлой комнате находилась мастерская, где Борисовым-Мусатовым были созданы солнечные «Майские цветы», пленительно-печальные «Гармония» и «Гобелен», просветленный «Водоем», изысканное «Изумрудное ожерелье». Продолжением мастерской был сад, окружавший флигель — вишни, сирень лучших сортов, тополя, маки, кадка с экзотической агавой. Множество пейзажных этюдов написано Мусатовым именно в этом садике.

Спустя семь лет после смерти тридцатипятилетнего художника, в 1912 году, его друг и биограф В.К.Станюкович пишет в Саратов и просит сфотографировать дом на Плац-

В.Э.Борисов-Мусатов. Весна
1898–1901. Холст, масло

Собрание Государственного Русского музея

В.Э.Борисов-Мусатов. Осенний мотив
1899. Холст, масло

Собрание Саратовского
государственного художественного музея
им. А.Н.Радищева

Флигель, где жил и работал В.Э.Борисов-Мусатов, изображенный им на картине «Весна»
 Фотография А.В. и В.В.Леонтьевых. 1920-е годы

параде. Просьбу выполняет художник Павел Кузнецов. Примерно тогда же, отдавая дань признательности Саратову, родственники Борисова-Мусатова передают Радищевскому музею несколько его работ. Вдова художника Е.В.Александрова дарит картину «Осенний мотив» и рисунок «Портрет Елены». От старшей сестры Виктора Эльпидифоровича А.Э.Немировой поступают в коллекцию живописные этюды к картине «Жатва».

А тем временем дом на Плац-параде уже перестал быть «удобным для вдохновения», и у него появились новые владельцы. Аккуратного немца Боксбергера после 1917-го сменили многочисленные коммунальные жильцы. В саду выкорчевали сирень и посадили помидорные кусты. На крыше возникли радиоантенны. Но о художнике, жившем здесь когда-то, помнили.

В 1919 году в Саратове задумали создать музей «нового искусства» имени Борисова-Мусатова. В 1922 году

газеты сообщали о желании А.Э.Немировой устроить во флигеле музей, посвященный памяти брата. Но этим планам не суждено было сбыться.

В тридцатые годы о Борисове-Мусатове — «декаденте, потакавшем вкусам буржуазной публики», — старается не вспоминать официальное искусствоведение. Но Радищевский музей так и не убрал произведения Мусатова и его младших современников из «Голубой розы» из постоянной экспозиции. А в 1945 году сороколетие со дня смерти художника было отмечено выставкой и статьей в местной прессе.

Постепенное возвращение мастера к зрителю произошло в 60-х годах после выставки, посвященной 100-летию В.Э.Борисова-Мусатова. Юбилейные выставки прошли в 1970–1971 годах в Москве, Ленинграде и Саратове. В 1973 году улица Белоглинская в Саратове была переименована в улицу Борисова-Мусатова. Пи-

сатель К.В.Шилов, работая над книгой «Мои краски-напевы...», собрал огромный материал о жизни художника, его друзьях, близких, о саратовских впечатлениях в его творчестве. Тогда вспомнили и заговорили о судьбе сохранившегося флигеля на Плац-параде. Мысль о создании там музея возникла вполне естественно. Начались хождения энтузиастов по инстанциям, уговоры, объяснения, письма. И вот с 1984 года владельцем мусатовского дома стал Радищевский музей.

Казалось бы, реставрация и открытие мемориальной экспозиции — дело недалекого будущего. Однако уже тринадцать лет различные инстанции не в состоянии решить немудреные практические вопросы. Музея, посвященного жизни и творчеству В.Э.Борисова-Мусатова, в Саратове пока нет. Прекрасная, утонченная муза Борисова-Мусатова по-прежнему остается бесприютной.